

Веч. Москва 1973, 15/хл

НАШ

СОВРЕМЕННОСТИ

Н. ПЛОТНИКОВ,
народный артист СССР

Когда возвращался домой, все время преследовала мысль, почему он сказал «толстый»! Снова начал вчитываться в роль и только теперь обнаружил ремарку: «очень высокий, худой, в длинном пальто, фетровой шляпе с опущенными полями». Вероятно, такова была авторская и режиссерская задумка.

Через несколько дней была назначена проба. Я сказал, что мне хотелось бы сниматься в своем костюме и в своем пальто, а вместо шляпы надеть свою кепочку. И без грима.

Именно «в своем виде» я и провел пробу сцены в ресторане. Режиссеру понравилось.

Началась работа над образом. Съемки проходили в прекрасной творческой атмосфере.

Внимание к актерам, деликатность в обращении друг с другом, работа, проводившаяся не шумно, не нервно, без излишних эмоций, дружно, — вот что характерно было для этих съемок. И я понял, что такой тон задает сам режиссер.

Юлий Яковлевич — режиссер-мыслитель, чуткий, проникновенный педагог, который, не настаивая на своем видении роли, всегда прислушивается к актеру.

Сегодня, поздравляя с семидесятилетием народного артиста СССР Ю. Я. Райзмана, мне хочется сказать в заключение, что он в полном смысле слова — наш современник.

верное, но слишком молодое лицо». И пригласил на эту роль другого актера...

В 1967 году Райзман предложил мне роль Ниточкина в кинофильме «Сын коммуниста» (после эта картина, продолжившая лучшие традиции прославленной райзмановской ленты «Коммунист», стала называться «Твой современник»). Сниматься я тогда не смог, так как был занят. Но все же сценарий Е. Габриловича, сотрудничество с которым не раз приводило режиссера к творческим победам, я прочел. Роль Ниточкина мне очень понравилась.

Однажды мне позвонили из съемочной группы и передали просьбу постановщика приехать на киностудию.

Иду по коридору, навстречу — Райзман. Мы бросаемся друг к другу в объятия, и вдруг он говорит: «Ой, какой толстый». И идет долгая беседа. Он рассказывает, что съемки намечены только в Москве, только в павильоне... Словом, я согласился на пробу.

СКОЛЬКО бы я ни говорил о Юлии Яковлевиче Райзмани, все равно это будет недостаточно, чтобы отразить всю глубину характера, истинно творческого человека, посвятившего свой талант служению советскому кинематографу. Да я и не претендую на это. Хочу лишь рассказать о нескольких наших встречах.

С Райзманом я встретился в 1935 году в школе киноактера, существовавшей тогда при «Мосфильме» и располагавшейся на Чистых прудах в кинотеатре «Колизей». Школу возглавлял М. М. Тарханов, я был его заместителем, а вместе с нами работали Ю. Райзман, Г. Рошаль, В. Баталов.

Каждый из педагоговбирал себе группу студентов и ставил отрывки из пьес, водевилей. Словом, актерское обучение начиналось не с этюдов, а с работы над ролью, и каждый из студентов к концу года успевал сыграть по 2—3 роли.

При подобном методе воспитания нужен был очень опытный педагог. Именно таким педагогом и был уже тогда Юлий Райзман, чья работа всегда отличалась знанием актерской природы. В нем присутствовал тот дух мудрости, который мы видим у него и поныне не только по отношению к своему предмету — режиссуре, но и по отношению к процессу воспитания актера.

Потом я встретился с режиссером на кинопробе, когда он снимал «Поднятую целину». Я пробовался на роль Щукаря. Как сейчас он посмотрел на фото и сказал: «Очень хороший грим. И «зерно» образа